

Шу Мужуй, едва сдерживая слезы, обняла руку Цзян Шуньяня и начала умолять:

— Ах, Шуньянь, помоги мне, пожалуйста! Если я скажу коллегам, что смогла забронировать столик в «Лазурном берегу», это будет так круто! Ну помоги, умоляю...

— Ладно, ладно, в следующий раз спрошу, хорошо?

— Обещаешь?

— Угу, понял.

Цзян Шуньянь с улыбкой смирения дождался, пока Шу Мужуй уйдет, и продолжил листать страницы на своем телефоне.

Неужели мишленовские рестораны действительно настолько круты?

На следующее утро, когда Цзян Шуньянь вовремя появился у входа в «Лазурный берег», он вдруг почувствовал нечто вроде благоговения.

Неизвестно, было ли это результатом вчерашнего «промывания мозгов» Шу Мужуй, но даже он сам начал думать, что попасть сюда — это что-то невероятное.

— Ну что, есть ответ?

Едва Цзян Шуньянь переоделся, его вызвали в кабинет Вэй Цзинжуна. Сам Вэй Цзинжун, как всегда, сидел за столом, углубившись в документы. Оуэн, прислонившись к дивану, держал в руках бокал красного вина, наблюдая за происходящим с видом зрителя.

— Стандарты ресторана так высоки, потому что это мишленовский ресторан, верно?

Вэй Цзинжун поднял взгляд и посмотрел на Цзян Шуньяня.

— Это утверждение или вопрос?

— Утверждение.

Вэй Цзинжун промолчал, но Цзян Шуньянь чувствовал, что не ошибся. Однако он все еще не понимал, что именно означают эти три слова — «Мишлен».

Но, задумавшись, он заколебался.

Шу Мужуй говорила, что эти три слова — высшая награда для ресторана. Он, конечно, не разбирался в этом, но понимал, что получить такое звание — нечто исключительное. А его вопрос мог звучать как пренебрежение.

— Эй, новичок, если есть вопросы, спрашивай прямо. Не смотри так растерянно.

— Нет, у меня нет вопросов.

Оуэн, заметив его сомнения, вызвал у Цзян Шуньяня раздражение, и он автоматически отрицал.

— Уверен?

Оуэн поднял бровь, глядя на него, и повторил вопрос.

Не дожидаясь ответа, Вэй Цзинжун вмешался:

— Ты понимаешь значение слов «Мишлен»?

— Нет.

Это был единственный ответ Цзян Шуньяня. Он не мог притворяться, что знает, иначе это бы его погубило.

Вэй Цзинжун отложил ручку и прямо посмотрел ему в глаза:

— Как ты считаешь, какой ресторан можно назвать хорошим?

Хороший ресторан?

Цзян Шуньянь никогда не задумывался над этим. Даже если бы его попросили назвать любимый ресторан, он бы не смог.

Еда — это еда. Если вкусно, то можно зайти еще раз, если нет — достаточно одного раза. Люди едят три раза в день, зачем так усложнять?

— Эм, главное — вкус, а еще сервис и атмосфера.

Подумав, Цзян Шуньянь с трудом выдал эти слова. И самому ему было неловко их произносить.

— Ха-ха-ха, новичок есть новичок, Цзинжун, не мучай его.

Оуэн беззастенчиво смеялся, и Цзян Шуньянь чувствовал, что это насмешка.

Вэй Цзинжун опустил голову, перестал смотреть на него и снова углубился в документы. Оуэн же продолжил:

— Слушай, новичок, только сочетание потрясающего сервиса и блюд, приготовленных с душой, делает ресторан настоящим.

Цзян Шуньянь не понимал, чем это отличается от его слов.

— Скажи, новичок, чем отличается еда дома от еды в ресторане?

— Это удобнее, да и пригласить кого-то в ресторан — это знак уважения.

— В одинаковых условиях, ты бы предпочел есть дома или в ресторане?

— Дома.

Цзян Шуньянь всегда не любил есть вне дома, в основном из-за усталости.

Раньше, чтобы обсудить дела с клиентами, он постоянно устраивал ужины, каждый раз напиваясь до потери сознания. И каждый раз почти все блюда оставались нетронутыми, либо были просто невкусными. Едва он успевал проглотить пару кусочков, как его уже тянули пить дальше.

Если бы у него был выбор, он бы предпочел готовить дома. Неважно, вкусно или нет, но хотя

бы он мог есть то, что хочет, и не бояться, что съест какую-нибудь химию.

Иногда, в моменты самоиронии, Цзян Шуньянь думал, что за свою жизнь он съел столько добавок, что в один прекрасный день его гены могут мутировать, и он станет супергероем, спасающим мир.

— В таком случае, задача ресторана — дать гостям ощущение, которое будет более приятным и комфортным, чем дома. Чистота и совершенство — это лишь шаг, ты понимаешь, что я имею в виду, новичок?

Чушь! Как это возможно? Если бы это было стандартом, то все так называемые «рестораны» давно бы закрылись!

Цзян Шуньянь внутренне возмущался, но его глаза выдавали его мысли.

Вэй Цзинжун заметил это, внезапно отложил ручку, встал и, оказавшись прямо перед Цзян Шуньянем, пристально посмотрел ему в глаза:

— Запомни, обед — это не просто поесть и уйти. Мы должны оставить у гостей неизгладимое впечатление, даже долгие воспоминания. Наш сервис должен быть лучшим, как будто это последний раз, когда мы обслуживаем гостя. Если ты не можешь этого сделать, то уходи!

Хм, интересно.

Вэй Цзинжун ожидал увидеть на лице Цзян Шуньяня страх или растерянность, даже если бы тот просто ушел, это бы его не удивило. Но Цзян Шуньянь засмеялся.

Да, он засмеялся.

Цзян Шуньянь сам понимал, что смеется, но не собирался сдерживаться.

Вэй Цзинжун предупреждал его, но на самом деле это было запугивание. Цзян Шуньянь знал, что этот человек просто хочет напугать его, чтобы он стал послушнее.

К сожалению, Вэй Цзинжун не знал, что Цзян Шуньянь в прошлом был руководителем отдела. Такие методы, хотя он сам никогда не использовал их с новичками, были для него привычными. Это был почти обязательный урок для каждого новичка — сначала строгость, потом доброта, стандартный метод управления.

В тот момент, когда Вэй Цзинжун произнес эти слова, его авторитет в глазах Цзян Шуньяня резко упал до уровня «ну, этот парень ничего особенного».

Поэтому Цзян Шуньянь смеялся, даже не боясь смотреть Вэй Цзинжуну прямо в глаза.

— Понял, директор Вэй.

Сказав это, Цзян Шуньянь, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета.

Оуэн, наблюдавший за этим, едва не выронил глаза, держа во рту глоток вина. Наконец, он не выдержал и рассмеялся.

— Ха-ха-ха, вот это круто! Цзинжун, я никогда не видел, чтобы кто-то так открыто тебе противостоял. Его взгляд, ха-ха-ха, я просто не могу сдержаться!

Оуэн, лежа на диване, продолжал смеяться, а Вэй Цзинжун, вернувшись на свое место, тоже невольно улыбнулся, словно в насмешку над собой.

— Эй, старик Бай на этот раз сделал хорошее дело, нашел такого забавного парня.

— Хорошо? Что в нем хорошего? — спросил Вэй Цзинжун.

— Уже то, что он осмелился тебе перечить, говорит о многом.

— Ты не думаешь, что это просто бравата?

— Не похоже. Мне кажется, он понял твои намерения.

Это Вэй Цзинжун тоже заметил.

Бравата основывается на эмоциях, на показной надменности и высокомерии, но это быстро проходит. Смех же Цзян Шуньяня был спокойным и уверенным, с оттенком презрения, но только к нему лично.

— Эй, скажи, чем раньше занимался этот Цзян Шуньянь?

— Был в обществе, дядя Бай сказал, что он бросил школу после старших классов.

— Серьезно? — Оуэн прищурился, явно не веря. — Если бы ты вчера сказал мне, что он был в обществе, я бы поверил. Но сейчас я не вижу в нем ничего от уличного хулигана.

— А если я скажу, что он еще и свободно говорит по-английски?

Автор имеет что сказать:

Обновление, приветствуются замечания и комментарии.

Маленький театр

Оуэн: Ты так говоришь, не боишься, что он уволится?

Вэй Цзинжун: Нет, он не уйдет.

Оуэн: Ты так уверен?

Вэй Цзинжун: Угу.

Оуэн: А если он действительно уйдет?

Вэй Цзинжун: ...

Перед работой

А-Шуй: Эй, что с твоим ртом?

Оуэн: Ничего, сам напросился.